

РЕЦЕНЗИИ

В. И. Цинциус, Сравнительная фонетика тунгусо-манчжурских языков.
Учпедгиз, Ленинград, 1949, 342 стр.

Тунгусо-манчжурские языки, изучение которых издавна осуществлялось учеными нашей страны, стали объектом специальных и углубленных исследований лишь после Октября. Работа В. И. Цинциус представляет собой результат обобщения этих исследований в области фонетики.

Во введении автор дает обзор классификаций тунгусо-манчжурских языков (Л. Шренка, С. Петканова, Л. Я. Штернберга и др.) и на основании новейших данных советских исследований предлагает свою классификацию этих языков с соответствующим обоснованием. Согласно этой классификации, названные языки делятся на подгруппы: северную, тунгускую (эвенкийский, эвенский, солонский, негидальский и ороцкий языки) и южную, или манчжурскую (нанайский, удэйский, орокский, ульчский и манчжурский языки). Впрочем, В. И. Цинциус отмечает, что предложенная ею классификация не имеет принципиального значения и носит «лишь вспомогательный характер» (стр. 35), хотя из ее же исследования с очевидностью вытекает обоснованность данной классификации, оправданной совокупностью всех языковых координат и соответствий, а не только фонетических. Мы бы, однако, не стали определять южную подгруппу исследованных автором языков как манчжурскую, ибо манчжурский язык резко выделяется среди южной же подгруппы. К тому же данные этого языка привлекаются в исследовании нашего автора лишь по показаниям письменного языка, существенно отличающегося от разговорного манчжурского же, данные по которому автор не мог привлечь на предмет сопоставления, поскольку о них в литературе сведений нет.

Во введении дается краткая характеристика фонетических, «фономорфологических» (омерзительных или непродуктивных формативов), морфологических, синтаксических и лексических соответствий и параллелей между названными языками. Кроме того, эти соответствия и параллели излагаются также в особых таблицах (стр. 254—334). Затем автор дает обзор звукового состава каждого из исследуемых им языков. В этом обзоре, как и во всем исследовании, автор говорит о фонемах и звуках таким образом, что читатель сам должен определять, как же автор понимает эти явления, ибо он не дает своего определения ни того, что такое фонема, ни того, в каком отношении находятся фонемы к звукам, т. е. к вариантам фонем.

В самом сравнительном исследовании автора особенно отрадно то, что изучению согласных уделяется такое же внимание (стр. 147—252), как и гласным (стр. 73—146), что мы не всегда находим в исследованиях по прочим алтайским (тюркским и монгольским) языкам. Обзор фонетических соответствий и параллелей, схождения и расхождения между тунгусо-манчжурскими языками отличается особенной тщательностью и в то же время отсутствием излишней скрупулезности, затмевающей основное и главное в явлениях языка. Вместе с тем этот обзор впервые дает полное научное обоснование родства и общности в историческом прошлом тунгусо-манчжурских языков. Это обоснование фонетического порядка безусловно подкрепляется автором теми морфологическими, синтаксическими и лексическими данными, которые излагаются в тщательно составленных таблицах и указанной выше характеристике соответствий и параллелей, а также в «указателе разобранных слов» (стр. 284—333).

Приходится лишь сожалеть, что по условиям аракатеевского режима, созданного марристами в языкознании, автору пришлось говорить о родстве и общности происхождения тунгусо-манчжурских языков только намеками («общие моменты» или «два пути развития») — на стр. 27; «первичные и вторичные долгие гласные и дифтонги» — на стр. 95; «Устойчивость» согласных в тунгусо-манчжурских языках — например, на стр. 247 и т. д.) Однако самый метод сравнительно-исторического изложения автором всего языкового материала позволяет читателю легко разбираться в излагаемом материале и понимать, что наш автор стоит на правильных позициях и не дает никаких уступок так называемому новому учению о языке Н. Я. Марра (достаточно сказать, что во всей книге в 20 печатных листов, вышедшей в свет в 1949 г., нет ни одной ссылки на труды Н. Я. Марра и его «учеников», ни одного упоминания о новом учении о языке в целом и марровском «определении» фонемы, в частности). Сравни-

тельно-исторический метод изложения В. И. Цинциус с очевидностью показывает, что цитата из «Философских тетрадей» В. И. Ленина об общем и отдельно приведена ею в своем предисловии вполне правомерно. Во всяком случае В. И. Цинциус своей книгой ярко показала, что плодотворная работа в области языкознания возможна лишь вне марровской антиисторической методики исследования, что «сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра» (Сталин).

Книга богато иллюстрирована таблицами, помогающими читателю разобраться в излагаемых языковых явлениях. Несомненно, что она будет встречена всеми языковедами с большой благодарностью. То же самое следовало бы сказать и о книге Г. М. Василевич («Очерки диалектологии эвенкийского — тунгусского языка», Учпедгиз, Ленинград, 1948, 352 стр.), подробно излагающей фонетические, грамматические и лексические особенности диалектов эвенкийского языка, классификация и сведения о которых даются автором впервые. Таким образом, книги В. И. Цинциус и Г. М. Василевич закладывают прочную научную основу для сравнительно-исторического изучения тунгусо-манчжурских языков

Г. Санжеев

Gunnar Jarring, Materials to the knowledge of Eastern Turki... with translation and notes: I. Texts from Khotan and Yarkand, Lund (Lunds Universitets Arsskrift, N. F. Avd. 1, Bd. 43, Nr 4), 1946. — II. Texts from Kashghar, Tashmalik and Kucha, Lund (Bd. 44, Nr 7), 1948.

Г. Ярринг — шведский тюрколог, известный уже своими трудами по уйгурскому и узбекскому языкам¹. На этот раз от него мы имеем в первой книге его «Материалы» уйгурские тексты на хотанском, главным образом, и яркендском наречиях с английским переводом и небольшими пояснениями под строкой.

Если на яркендском наречии у нас имеется немалое количество текстов², то на хотанском наречии их почти нет — и в этом, т. е. в хотанских текстах (стр. 3—135), большая научная ценность нового труда.

Г. Ярринг — хороший фонетист, а поэтому мне хочется отметить прежде всего тщательность и точность его записей; нечего, разумеется, говорить и о правильности его переводов.

Из области фонетики я отмечаю в записях Г. Ярринга наличие звука «ы», что иногда отрицалось в уйгурском языке. Например, «атыдын» от его лошади (стр. 68), «кылаган» сделавший, «кылып» сделавши, «башыдын» из его головы (стр. 68), «алып» взявши (стр. 72), «барып» пошедши (стр. 80, 89) и т. п. Добавочный звук «ш»: «ишкі» два, «ишкен» бывший (стр. 3, 18), «ишт» собака (стр. 51), «ишкрам» (арабск.) почтение, уважение (стр. 32). Особенность хотанского наречия в форме настоящего времени выражена очень мало: «деіту» говорит (стр. 81, 123, 124), но там же и «деіду» (стр. 81, 124, 128, 129).

Думаю, что в выражении «селамымны айке алса» (стр. 12—15) слово айке взято из арабского приветствия айке, и все это будет значить: если она примет мое приветствие: «над ней (мир)!» Г. Ярринг слово айке ставит в связь с арабским же айке расположение, привязанность и переводит my beloved (милая, любезная, любимая). А раньше этого Г. Raquette³ переводил это слово через food (пища, корм). Выражение salaṃ алмак или айк алмак (принять или не принять приветствие) значит: отвечать или не отвечать ответным выражением: «и вам (тебе) мир!»⁴

При слове «нуруч» скалка (стр. 3) автор делает ссылку, что форма этого слова «ногуч» в Уйгурско-русском словаре Н. А. Баксакова и В. М. Насилова (М., 1939) для него является сомнительной. Но ср. форму «ногуч» в стеклографическом Уйгурско-русском словаре под ред. проф. К. К. Юдахина (М., 1938, стр. 547) и «варгуч» — в Русско-сартовском и Сартовско-русском словаре В. Наливкина и М. Наливкиной (Казань, 1884, стр. 90 и 242). Я не сомневаюсь в форме «ногуч» (скалка). Значение хотанского слова «тапчурә» — растапливаться (о масле) Г. Ярринг считает doubtful (стр. 45) и сравнивает с «тувшә» — (у Махмуда Кашгарского): выступать (о поте). Но ср. у илийских уйгуров выражения: «тапчурәп тар ахты» — пот выступил каплями или: «тепчен тар ахты» (слышал от А. Ш. Шамиевой). Пожалуй, можно еще это слово сравнить с турецким «тепсер» — покрываться прыщиками. Закончу этот отдел своей заметки, что форма яркендск. «мәнгә (мне, стр. 141) довольно необычна

¹ См. «Библиография Востока», вып. 5-6, Л., 1934, стр. 102—104; «Советское востоковедение», V, 1948, стр. 325—326.

² По фонетике яркендского наречия см. G. Morgenstierne, Gleanings from Turki Dialects, Studia septentrionalia, II, стр. 138—148.

³ Täji bilä Zohra, 1930, стр. 52—53, 106.

⁴ См. Л. Будагов, Сравнительный словарь, I, 1868, стр. 632. Ср. Das Kudatku Bilik, Th. II, St. Petersburg, 1900—1910, стр. 475.